

Т. В. Коптева

ПОНИМАНИЕ ФЕНОМЕНА ГРАНИЦЫ И ОТНОШЕНИЕ К НЕЙ В АРХИТЕКТУРЕ ФРАНЦУЗСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПРОЕКТА ОГРАДЫ ПАРИЖА 1785 Г.)

Архитектура эпохи французского Просвещения, на первый взгляд, одержима идеей границы и разграничения. Много лет именно в этом ключе проходили ее исследования. Эмиль Кауфманн, заложивший основы исследования классицистической архитектуры второй половины XVIII в. как «архитектуры Просвещения» (т.е. неразрывно связанной с мышлением и философией этого периода), говорил о ней как об «автономной архитектуре», сосредоточенной на индивидуальном павильоне, ограниченном внутри самого себя и явно отделенном от остальных.

*Одновременно с этим мы видим отношение современников к проекту ограды Парижа, который вызвал активный протест. Критика его была связана с политической обстановкой, но, как представляется, на более высоком уровне она была направлена на саму возможность ограничения развития Парижа, на попытку обозначить четкую границу динамичного, сложного столичного города. К.-Н. Леду, спроектировавший заставы для ограды Парижа, называл этот проект словом *dévallager*, который можно перевести как «раздеревнять», подчеркивая, что ограда не столько ограничивала, сколько определяла город.*

На примере дискуссий вокруг «ограды Парижа 1785 года», знаменитых застав Леду, а также путем анализа более раннего проекта ограды Парижа М.-А. Ложье, в статье достигается цель раскрыть специфику отношения к феномену границы в период Просвещения во Франции. Делаются выводы о двойственности этого отношения: очерчивание границы было необходимым для осознания, определения и, при необходимости — изменения объекта. Одновременно с этим эпохой осознается искусственная природа границы, по крайней мере, искусственность резкой границы, отделяющей один объект от другого жестко, а не мягким, размытым или «ступенчатым» переходом.

Ключевые слова: теория архитектуры, теория архитектуры французского Просвещения, К.-Н. Леду, М.-А. Ложье, ограда Парижа 1785 г.

T. V. Kopteva

VIEWS ON BORDERS, DIVISIONS AND THEIR ROLE IN ARCHITECTURAL THEORY OF THE FRENCH ENLIGHTENMENT, AS ILLUSTRATED BY THE PROJECT OF THE NEW CITY WALLS OF PARIS OF 1785

The architecture of the French Enlightenment is in many ways the architecture of divisions and separations. Since E. Kaufmann, the pioneer of studies of the “Enlightenment architecture” it was viewed as “autonomous architecture”. Kantian autonomy was supposed to influence its form, to cause the phenomena of the separation of the pavilion.

Other forms of divisions, however, were not as readily accepted. This is exemplified by the notorious “Enceinte de Paris” of 1785. The new city walls caused a popular protest. We can see the roots of this outrage in the pre-revolutionary political climate, but it arguably had a deeper level. The protest was against the limiting role that defined what was considered the city, and what was not. The border forced the city dwellers to separate Paris from its surroundings, pitting the city against non-city (village, nature) where this separation previously did not exist or was much more gradual.

The phenomena of borders and divisions in the thought of the Enlightenment era is analyzed in the article in the context of two projects of the “Enceinte de Paris”; a broad and somewhat obscure ideal project of M.-A. Laugier and famous

toll barriers by C.-N. Ledoux. The analysis highlights the duality of the Enlightenment views on borders in architecture: they were considered essential to define and rationalize an object (especially an object as complex as the city), but people were mindful of their artificial character, especially when it came to rigid as opposed to gradual separations.

Keywords: Architectural theory, French Enlightenment architectural theory, Claude-Nicolas Ledoux, *Barrières de Paris*, Marc-Antoine Laugier

Понимание феномена границы, отношение к ней, ее свойства — все эти вопросы являются одними из самых сложных в теории архитектуры. Полностью раскрыть отношение к границе в эпоху французского Просвещения в рамках одной статьи, безусловно, невозможно, поскольку архитектура этой эпохи кажется одержимой идеей границы и разграничения, и много лет именно в этом ключе велось ее изучение. Даже Кауфманн, который заложил основы исследования классицистической архитектуры второй половины XVIII в. как «архитектуры Просвещения», неразрывно связанной с мышлением и философией этого периода, говорил о ней как об «автономной архитектуре» (Vidler 2002: 16–29), сосредоточенной на индивидуальном павильоне, ограниченном внутри самого себя и явно отделенном от остальных.

Заставы Парижа достаточно полно исследованы с позиции истории архитектуры (см. Lyonnet 2013; Gagneux, Prouvost 2004 и др.). Однако предметом настоящей статьи являются не заставы как таковые, а представление эпохи о феномене границы. Иными словами, реакция современников на знаменитый проект Леду, комментарии к нему самого архитектора являются здесь материалом для раскрытия более широкой теоретической темы. Среди недавних публикаций мы видим обращение к «барьерам Парижа» в рамках коллективного исследования феномена стены, ее архитектурного, социального и символического значения в человеческой истории (Guye, Valode 2017: 8). В нашей статье мы постарались сделать следующий шаг и подойти к проблеме «границы» как таковой, в том числе гра-

ницы нематериальной. Подобный подход объясняется тем, что статья является частью исследования нематериальных границ в теории французской архитектуры (граница между человеческим и природным, природным и архитектурным). При этом мы оставим за скобками прикладные аспекты архитектурной теории (например, искусство стереотомии (Клименко 2017)) и сосредоточимся на вопросах философии зодчества, существующих на стадии «до первого чертежа».

Сегодня нередко к теориям Леду обращаются как к хрестоматийному примеру социальных феноменов, характерных для эпохи французской революции (Bianchi 2017: 12). Заставы Парижа, действительно, могут быть рассмотрены в таком ключе, однако нас они интересуют, прежде всего, как уникальный эксперимент по созданию искусственной границы там, где ее прежде не существовало.

В рамках статьи мы попытаемся раскрыть отношение эпохи Просвещения, и архитектурной мысли в частности, к феномену границы (ее сдерживающая роль и искусственность), а также выявить причины, по которым не только теоретическое разграничение, но и непосредственное возведение материальных границ (ограда Парижа) оказывается столь важным для «века Разума».

М.-А. Ложье.

Рационализирующая граница

Одним из примеров отношения к границе является переосмысление городской ограды, которое предпринял М.-А. Ложье в своем «Эссе об архитектуре». Глава «О городских воротах», кроме

ожидаемых рассуждений о разумном количестве ворот и дорогах, соединяющих их, предлагает любопытный взгляд на то, зачем именно городу нужна ограда.

Она не только должна защищать город от внешнего мира, как в городах-крепостях, но и защищать вне-городское от роста города: «Чем больше городская ограда, тем больше в ней должно быть входов, и нехватки в них мы обычно не испытываем. Но мы не стараемся распределить их, соблюдая равные расстояния, что привело бы и к большему порядку, и к большему удобству. Множество застав на въездах и выездах из Парижа появилось по необходимости, но их странное расположение на неравных расстояниях друг от друга — следствие случайности, из-за чего ограда получается нерегулярной и деформированной. Следовало бы начертить более-менее регулярный многогранник, за пределы которого выходить было бы запрещено, и следить, чтобы никто не пытался выйти за предписанные им границы. Таким образом, сформировалась бы ограда, на которой можно было бы распределить ворота и въезды в город на каждой грани или по углам многогранника» (*Laugier* 1755: 213–214).

Точный, разумный, предсказуемый Париж, создаваемый регулярной границей, выйти за которую город не может точно так же, как чужак — пройти сквозь нее, требовался Ложье для выполнения все остальных его требований к городу. Граница нужна была не столько чтобы защитить Париж, сколько чтобы обуздать и рационализировать его.

Ложье начинает рассуждения в разделе о воротах Парижа с этой идеи, утверждая, что ворота не должны существовать просто в качестве украшения, они требуются для регуляции не только внешних потоков, но и происходящего внутри Парижа. Граница города у Ложье существует не раздельно, как независимая стена

между городским и негородским, а в общающейся связи с тем, что находится внутри: «Создавая новый генеральный план, следовало бы ... расположить два главных входа в Париж через ворота Сен-Мартен и Сен-Жак, проложив между ними улицу, пронизывающую [Париж] от одного конца до другого, а с каждого конца провести по радиусам лучеобразные улицы, которые вели бы в главные кварталы и заканчивались бы у каких-то важных зданий» (*Laugier* 1755: 213).

Создать простое украшение, сделать «въезды в большой город украшенными, имеющими величественный и торжественный облик» («на месте всех застав возвести триумфальные арки» в честь французских королей, «по примеру римлян, народа, который имел только благородные взгляды и мыслил всегда величественно») (*Laugier* 1755: 214–215) возможно и без «регулярного многогранника». Но другие городские проекты Ложье требовали «разумно ограниченного» Парижа, и предложение расчертить Париж лучеобразными улицами приводит Ложье к идее регулярной границы города. Создать город, регулярный внутри, оказывается невозможно, не ограничив его и не сделав его, таким образом, простым и ясным для понимания архитектора, философа и, как мы увидим далее, государственного управленца.

Ограда Парижа 1785 г. Протест против искусственной границы

Создание ограды Парижа интересовало не только тех, кому требовалось понять город, заключив его в определенные границы и остановив его постоянное расширение. Ограда Парижа конца XVIII в., заставы которой известны нам, прежде всего, как один из главных

проектов Клода-Николя Леду, имела гораздо более приземленную цель — облегчить королевским откупщикам сбор ввозной пошлины на товар. История ее строительства (1784–1791) и ответной реакции парижан далека от идеалистического образа, нарисованного ранее Ложье, и показывает нам совершенно иное отношение к границе — взгляд горожанина изнутри, а не философа, находящегося в позиции внешнего наблюдателя.

«В 1784 г. чтобы возместить постоянно растущие расходы королевства, требовалось найти новые ресурсы... Непрямое налогообложение ... стало единственным источником, способным наполнить казну без обращения к парламенту», в связи с чем Людовик XVI «решил добыть дополнительные ресурсы, использовав право Парижа на ввозную пошлину... Для достижения этой цели [ужесточения пошлины] требовалось просто обеспечить сбор пошлины, оставив ежедневную перевозку контрабанды» (Frémy 1912: 115).

Это требование было не так просто исполнить: постоянный рост Парижа буквально стирал границу между городом и пригородом, делая наблюдение за ввозимыми товарами невозможным. Даже разные стороны одной улицы могли подчиняться разным фискальным законам (Frémy 1912: 117). Только когда казна начала серьезно пустеть, королевским откупщикам дали разрешение на строительство участка ограды (указ от 23 января 1785 г.), который затем стал огромным проектом полного «окружения города» стеной. Однако откупщики начали работы (и наняли своего ординарного архитектора К.Н. Леду) еще до получения официального одобрения.

Эта мера вызвала возмущение не только торговцев, но и жителей города. Парижский книготорговец Арди пи-

сал в своем дневнике: «Сегодня все возмущаются исполнением странного проекта королевских откупщиков возвести вокруг столицы заградительную стену, призванную сдерживать натиск контрабандистов, из-за чьих хитростей и обмана, говорят, откупщики теряют ежегодно половину своих доходов. Уже видно, как стена в три фута шириной появляется из-под земли и поднимается на том месте на берегу реки, где когда-то предлагали возвести пристань для кораблей ...

У парижанина тем больше поводов шептаться и выражать свое недовольство в этих обстоятельствах, что у него отнимают всякое удовольствие от прогулок на улице, лишая возможности видеть зеленеющие деревни, а также дышать свежим воздухом по праздникам и воскресеньям, после недели работы в жилищах, в одинаковой степени печальных и вредных для здоровья. У него сразу есть повод заметить, насколько эти новые порядки далеки от целей его счастья и довольства» (цит. по Frémy 1912: 119).

Парижанину появление зримой границы также помогало понять город, — но это было не философское упорядочивающее понимание, позволяющее предсказывать маршруты и прокладывать дороги, а понимание-ограничение. Парижанин терял, по точному наблюдению книготорговца, то не-городское, что казалось ему до этого частью города: деревенскую зелень, свежий воздух. Стена не только ограничивала въезд и виды, она заставляла каждого жителя определить, что есть город, что именно входит в его точно очерчиваемые границы. Ответ, по меткому высказыванию Арди, оказывался «далек от целей его счастья и довольства».

Чтобы утихомирить возмущение горожан, по внутреннему периметру стены было решено проложить прогулочный

бульвар, который также давал бы возможность следить, не проник ли кто-то через неохраняемые участки ограды — контрабандисту негде было бы спрятаться, как в случае, если бы к стене впритык подходили здания (они не могли стоять ближе 50 туазов, т.е. чуть менее 100 м (Frémy 1912: 120)).

Бульвар, однако, решал только формальные требования, давая озелененное пространство для прогулок. Настоящие требования горожан, как представляется, касались именно факта возникновения жесткой границы там, где ее раньше не существовало. Отделения городского от не-городского переставало быть мягким, выполненном в виде градаций неких переходов: например, когда одна улица на одну половину принадлежит городу, на вторую — нет, но внутри себя остается единой улицей и тем самым снимает разделение там, где оно формально существует. Вместо этого граница становилась резкой полосой, не имеющей сложностей и градаций.

Особого ожесточения реакция парижан достигла, когда стало известно о планах окружить стеной весь город целиком. Формально жителей возмущало, что «учитывая протяженность столицы, новая ограда» препятствует воздухообмену, «затрудняет предотвращение болезней, злодеяний и беспорядков, которые из этого следуют» (Dulaure цит. по *Diderot* 1813: 227–228). Уже в то время некоторая абсурдность подобной риторики была очевидна, например, Дидро, но представляется, что абсурдной она была именно в связи с невозможностью выразить возмущение самим фактом возведения границы города, который казался живым и растущим, ограничения его «возможности дышать». Это абстрактное недовольство сложно четко сформулировать, поэтому вместо него приводятся

какие-то «объективные» причины недовольства, пусть и не слишком научные.

Лучше, чем брошюры, настроение жителей города, как это часто бывает, отражали эпиграммы. Самая известная из них основана на игре слов и звучит как «*Le mur, murant Paris, rend Paris murmurant*», что можно перевести как «От стены вокруг Парижа стенает Париж» (дословно — «Стена вокруг Парижа заставляет Париж перешептываться»). Но еще лучше говорит о возмущении самим фактом появления границы следующее четверостишие (ниже приведен подстрочный перевод):

«Чтобы поднять свои доходы,

Сократив наш горизонт,

Откупщики посчитали необходимым

Посадить Париж в тюрьму» (Frémy 1912: 120)

Представляется, что здесь ясно отражена главная причина протеста, и «чистота воздуха» здесь ни при чем. Для жителя Парижа стена стала не символом защиты от контрабандистов или угроз извне, а символом их собственного ограничения.

В четверостишии нет жалоб на повышение цен на продукты, которое может последовать за введением пошлины. Более того, пошлина даже шла на пользу горожанам, поэтому после революции ее отменили, а затем вынуждены были снова вернуть, так как у города не было денег на освещение и другие насущные нужды.

Никакие «разумные причины» не звучат в народном протестном творчестве этого периода, их место занимает восприятие границы как тюрьмы, как сокращения их горизонта (как в буквальном, так и в переносном смысле). Граница не допускает развития города, заставляет город определить себя, противопоставив свое «внутреннее» пригородному «внешнему».

Воздух в огромном столичном городе мало изменился бы от появления ограды, но он, как представляется, раз за разом всплывает в качестве аргумента именно из-за противопоставления города пригороду, деревне, и ассоциации деревни с воздухом, а города — с его отсутствием.

Проектное решение Леду. Граница, отражающая характер объекта

Граница, заданная сверху, таким образом, становится «тюрьмой», а не защитой, она навязывает самоопределение внутри нее. Представляется, что остро негативная реакция на проект застав Леду частично спровоцирована не архитектурными решениями, а их связью с принудительным созданием границы.

Людовик XVI, посетивший стройку с инспекцией, выразил недовольство обилием деталей и украшения на зданиях, созданных исключительно с прикладной целью. Критика проекта Леду в этом ключе была нередкой, хотя от представителя народа, а не власти, звучала куда жестче: «Нам нужно восстать против злодеяния, которое отдает на поругание комиссии по заставам богатства архитектуры, оскорбляет страдания народа, демонстрируя ему триумфально и с великолепием бремя, на него возложенное. Его заставаляют восхищаться орудиями, приносящими ему страдания» (Dulaure цит. по Vidler 1984: 16).

Кажется, однако, что создание жесткой границы Парижа, очерчивающей и, как мы показали выше, за счет этого определяющей город, отделяя его от не-города, не могло быть исключительно прикладным начинанием.

Ложье на несколько десятилетий раньше уже понимал это, предлагая

в качестве городских ворот триумфальные арки. Он следовал при этом традициям Великого века, когда «во время правления Людовика XIV, чье величие будто бы способствовало появлению великих идей у художников, умели чувствовать двойную важность триумфальных арок. Оттуда к нам пришли ворота Сен-Мартен, Сен-Дени, Сен-Бернар и Сент-Антуан. Если бы всеобщий хороший вкус этих времен затем не угас и не измельчал, все главные улицы столицы сегодня были бы украшены так же благородно».

Проект Ложье, в котором «триумфальные арки ... требовали величия пропорций, простоты и силы украшения, широты и гордости масс» (*Laugier* 1755: 216) также не был бы дешевым начинанием. Леду, однако, пошел еще дальше, сделав каждую заставу упражнением по поиску новой типологии, очевидно, понимая, что стена и заставы Парижа — это способ осознать и изучить этот новый, современный город, для которого не подходят старые формы, пусть даже осененные традицией Рима и Великого века.

Отсылку к античности Леду изменил, назвав свои проекты Пропилеями Парижа, а не триумфальными арками, убирая связь со славой королей и их подвигами (которые предлагал воспевать Ложье) и подчеркивая связь с городом.

Рассуждая о своем проекте застав, Леду описывал его несуществующим глаголом *dévilager* (*Ledoux* 1804: 18), который можно перевести как «раздеревнять», т.е. убирать свойства деревни, превращая в город. Он понимал, как кажется, значение стены и застав как «определяющей границы», четко показывающей, где город, где — не-город.

Леду, однако, не остановился на этом простом разграничении. Как и Ложье, он хотел проанализировать город, создав

его границу — и отразить в архитектуре застав второй аспект «определяющей границы», раскрывающей не только где город начинается и оканчивается, но и чем город является.

Определение Парижа — задача, с которой в период Просвещения столкнулся Луи-Себастьян Мерсье (1740–1814), но не в архитектуре, а в литературе. Обращение к его работам, кажется, позволяет понять некоторые архитектурные решения застав Леду, подвергавшиеся критике его современников.

Мерсье написал множество работ в совершенно разных жанрах: он был поэтом, драматургом, философом и романистом. Но известность ему принесли именно работы о Париже, темой которых является город во всем его многообразии и в развитии во времени: от утопического будущего (*ухронии*) в «Год 2440: сон, которого, возможно, и не было», к развитию в настоящем от «Картины Парижа» к «Новому Парижу».

Русский перевод меняет «Картину Парижа» на множественное «Картины Парижа», и это довольно точно отражает структуру данной книги, состоящей из отдельных «сценок городской жизни». Для современного читателя они воспринимаются, как разрозненные — но для читателя XVIII в. эта было единое полотно (*tableau*), соединяющее все разнообразие города.

Отражение этого, как мы сказали бы сегодня, урбанистического характера Парижа XVIII в., его единства в множестве составных элементов и привело Мерсье к созданию нового жанра зарисовок-фельетонов (*feuilleton*), продолженного Гюго, Бальзаком, Бодлером, Шатобрианом, Золя и др. (Popkin 2010: 1–2).

В остальном своем творчестве Мерсье долгое время был подражателем — в поэзии он подражал Овидию, в драматургии — Дидро, за что получил про-

звище «обезьянки Дидро» (Baron 1840: 216). Но описывать Париж методами подражания было невозможно, и анализ города естественным образом привел к созданию новой литературной формы (Коптева 2016: 326–331).

Удивительно, что при этом Мерсье не сумел узнать в проекте Леду тот же процесс отражения города через компиляцию неподобных друг другу, но объединенных воедино фрагментов, тот же поиск новой формы, способной отразить городской дух. Мерсье критиковал заставы точно так же, как большинство современников: «Ах, мсье Леду, вы — пугающий архитектор... Мы все оплатим, как полезные пленники, произведения честного тюремщика Леду. По периметру этой крепостной стены пустят батальоны служащих... Но что особо режет глаз, так это вид этого логова фискала, превращенного в дворец с колоннами... Архитектура этих барьеров квадратная, угловатая, и есть в ней что-то угрожающее ... таково идеальное изображение настоящего финансиста: грубые камни внизу, слегка более обтесанные — в центре, а верхушка украшена изображением гербов, лаврами, самыми популярными орнаментами» (Mercier 1788: 361–363).

При этом Мерсье признавал, что граница нужна, чтобы обозначить город в противоположность не-городу. Но ему, с его тонким, «урбанистическим» пониманием Парижа как собрания разрозненных зарисовок в единую картину, кажется, претила топорность, материальность и, главное, меркантильность этого ограничения. Для Мерсье, когда определение города через его границу отдавалось королевским откупщикам, город превращался всего лишь в налоговую вотчину, а не в объект для глубокого анализа: «Фошань, знаменитая китайская деревня, в три лье в диаметре и с мил-

лионом жителей, зовется деревней, так как не окружена стенами. Теперь уже Париж деревней не назовешь, так как королевские откупщики, чтобы увеличить доходы от своего ремесла, придумали построить стену, которая опоясывает город до самых полей. Так наши финансисты назначили теперь наши бульвары, променады, поля ... городом Парижбургом» (*Mercier 1788: 362*).

Если критика Мерсье касалась тех архитектурных решений, в которых он видел отражение фискальной природы барьеров Парижа, то других возмущала неоднородность барьеров — такая же, как неоднородность фельетонов самого Мерсье: «Отделение на дороге на Фонтенбло пока самое заметное. Портнки, колонны без базы, резкие выступы, дорический фриз, на котором изображены гербы основных городов, к которым ведут дороги — вот что его украшает. Застава Монпарнас состоит из двух отделений, углы которых образуют перистиль из тяжелых массивных колонн, придающих зданию печальный характер... Отделения двух следующих застав на фасаде имеют ворота, напоминающие вход в пещеру или тюрьму... четыре колонны, сделанные из круглых и прямоугольных пластов, между которыми еле могут протиснуться два человека, украшают эти пугающие входы ... Отделение Военной школы имеет единый фасад без окон, в центре которого располагается неглубокая ниша, завершающаяся ничем, которая придает этому зданию характер скорбных старых катакомб... Первое отделение на Версальской дороге ... представляет собой перистиль в готической манере, по две стороны дороги на пьедесталы поставлены колоссальные статуи, символы городов Руана и Ренна. Отделения на улице Нейи — это павильоны, окруженные дорическими колоннами больших пропорций. Они

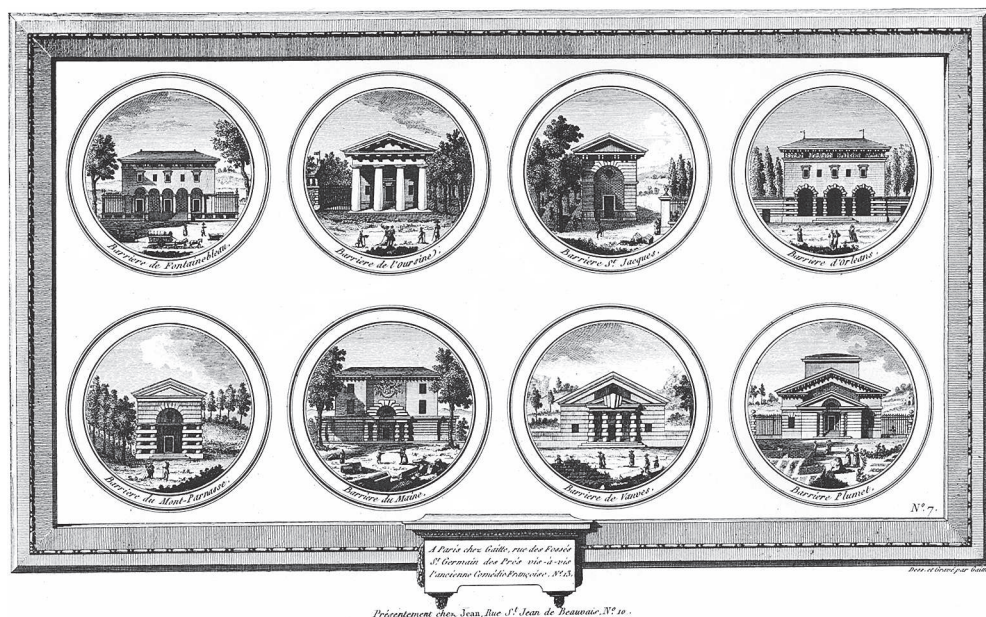
хорошо смотрелись бы перед самым великолепным дворцом» (*Dulaure* цит. по *Frémy 1912: 123–124* (ил. 1–3).)

Это многоголосие у Леду вовсе не было ошибкой. Он хотел продемонстрировать с его помощью все разнообразие архитектуры: «Я представлю вам Пропилеи Парижа такими, какими они были до их поругания, картины, неразрывно связанные с самыми интересными местами, эффект которых напоминает обманчивую магию театров... Я представлю строения, чье разнообразие утоляет жажду желания ... Впервые на одном масштабе мы увидим красоту уличного кабачка (*guinguette*) и дворца» (*Ledoux 1804: 17–18*).

Так, на одной линии ограды Парижа Леду представлял как бы весь Париж, выровненный по единой шкале — от кабачка с кабае (*guinguette*) до дворца. Поэтому критик, который описывал здания застав как чередующиеся храмы, катакомбы, дворцовые павильоны, верно схватил образ «многоликого» города, который Леду хотел воссоздать в миниатюре. Граница Парижа, таким образом, не просто связывалась бы с городом, помогая проанализировать и упорядочить его (как в проекте Ложье), а служила бы также архитектурным отражением его многообразия. То есть сама граница становилась методом анализа, а не просто очерчивала объект анализа.

Были и те, кто понял замысел Леду, несмотря на политическое недовольство, которое вызывала ограда Парижа. Ж.-Г. Легран в заметке «Два маленьких павильона, составляющие часть ансамбля ограды Парижа», описывал как связь этих объектов с городом, так и ценность их разнообразия: «Первый [павильон] относится к типу (*sorte*) зданий, которое древние называли *sacellum*, которое ставилось на общественных дорогах в честь какого-то божества. Эти малень-

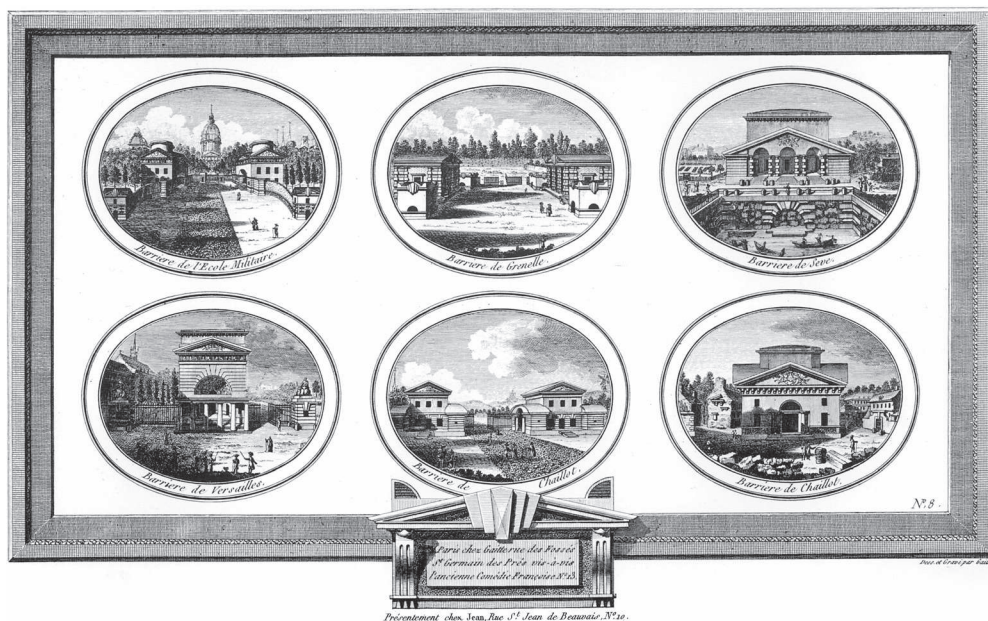
Ил. 1. Леду, К.-Н. Заставы Парижа, в т. ч. застава Фонтенбло (первая в верхнем ряду), застава Монпарнас (первая в нижнем ряду). Гравюра Gaitte, A.-J., 1785 (Vidler 1984)

кие здания состояли из одного открытого вестибюля (pronaos) спереди, но крытого сверху, чтобы дать убежище путнику или пилигриму ... и из крошечной капеллы (sacellum) божества, которому там поклонялись, и чья статуя обычно располагалась внутри...

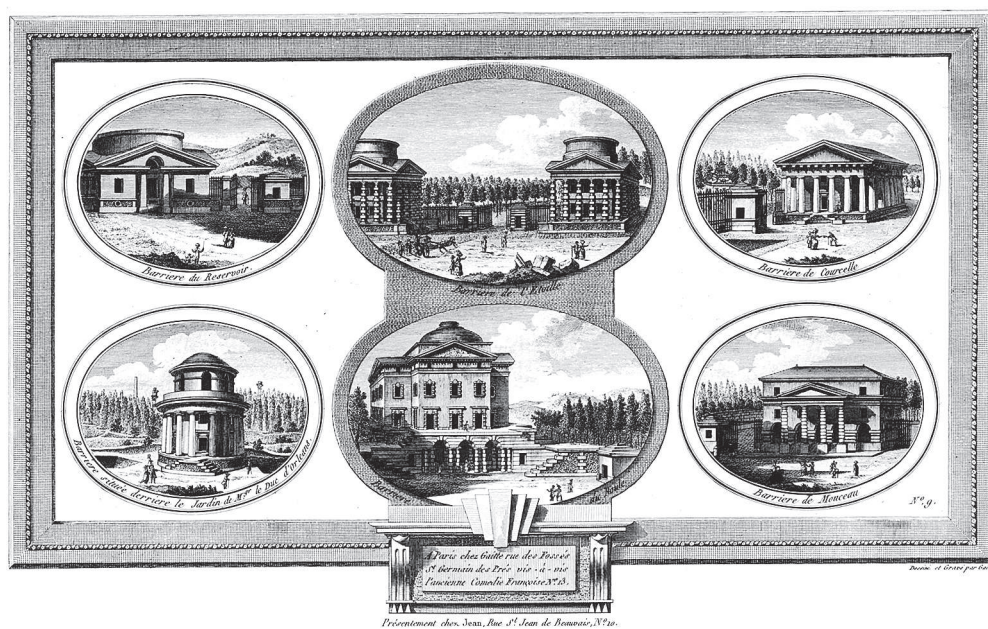
Второй памятник, служащий барьером на улице Урсин, по форме является маленьким храмом, называемым Витрувием *prostylos*, то есть представляет собой портик с четырьмя колоннами спереди, расположенными на равном расстоянии и увенчанными фронтоном». Легран подчеркивает, что формы античных зданий не обязательно привязаны к содержанию и могут меняться при применении в новом контексте: «Эта элегантная и простая форма, позаимствованная у греков, всегда будет приятна, а ее применение может варьироваться до бесконечности. Здесь ниж-

няя часть перистиля днем укрывает дежурных и солдат, охраняющих этот пост, а ночуют они в той части, которая у древних называлась бы *cella*, или главной частью храма». Эти формы также вариативны, как и город, который они отражают: «Мы видим, что выбор этих форм, овеянных античностью, позволил современному архитектору придать этим зданиям монументальный характер, необходимый, так как они являются общественными зданиями большого города» (Legrand 1804: 79–80) (ил. 4).

Э. Видлер называл предпринятые Леду поиски нового жанра для архитектуры барьеров-застав «экспериментальной типологией», в которой «классические типы ... низводились к знаковому отображению монументальности и античным отсылкам, полностью отделенным от функции, которую они имели ранее... свободные для использования

Ил. 2. Леду, К.-Н. Заставы Парижа, в т. ч. застава Военной школы (первая в верхнем ряду), Версальская застава (первая в нижнем ряду). Гравюра Gaitte, A.-J., 1785 (Vidler 1984)

Ил. 3. Леду, К.-Н. Заставы Парижа, в т. ч. заставы Звезды или заставы на улице Нейи (в центре в верхнем ряду). Гравюра Gaitte, A.-J., 1785 (Vidler 1984)

в сдвигающихся и трансформирующихся комбинациях». Этот «открытый тип», по Видлеру, «еще не заполнен своим будущим назначением» (Vidler 1984: 27).

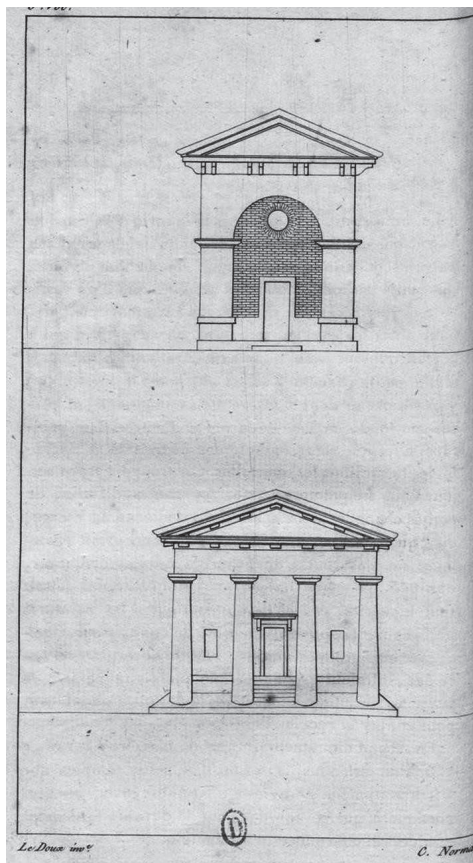
Такой подход — монументальность, демонстрирующая важность города, но не привязанная к назначению, так как город постоянно меняется, представляется отличным описанием-определением Парижа, не уступающим по точности «Картина Парижа» Мерсье и схожим с этим романом по своему подходу.

Выводы

Таким образом, на примере одного из самых громких проектов «создания новой границы» второй половины XVIII в. во Франции можно сделать ряд выводов. Очерчивание границы кажется необходимым для осознания, определения и, при необходимости, — изменения объекта. Одновременно с этим осознается ее искусственная природа, по крайней мере, искусственность резкого разделения объектов вместо мягкого или «ступенчатого» перехода.

Здесь можно провести параллель с отношением к систематизации в эпоху Просвещения. Как и в случае «одержимости границами» архитектуры этого периода, мы привыкли видеть Просвещение эпохой систематиков и систематизации. Однако мыслителями этого периода очень ясно осознавалось искусственное происхождение созданных человеком систем. Они признавались необходимым для понимания мира, но только в рамках несовершенства человеческого разума — ведущие философы постоянно подчеркивали эту их особенность.

Пожалуй, ярче всего это сделал Дидро с помощью архитектурной метафоры в «Рассуждениях об интерпретации природы», иронично заметив, что философ-систематик, безусловно, счастлив

Ил. 4. Иллюстрация к заметке Ж.-Г. Леграна «Два маленьких павильона, образующие часть ансамбля ограды Парижа архитектора Леду», плашка 36 (Legrand 1804, 79–80)

тем, что обладает богатым воображением и красноречием, которое возвеличит его в веках, даже когда «здание, которое он возвел», рухнет (Diderot 1875–77: 20). Более развернуто эту мысль выразил Кондийак в своем «Трактате о системах»: он подчеркивал, что системы подходят для описания скорее искусственных образований, чем природных, и даже в этом случае требуют постоянной сверки с реальностью (тогда как иллюзия ясности системы приводит к тому, что про- верить ее достоверность перестают). Он

полагал ошибочным попытки извлечь из систем «подлинные знания» (*Condillac* 1749: 1–44).

Д'Аламбер говорил о системе человеческих знаний в «Энциклопедии», что «можно представить себе множество различных систем человеческого знания, как и карт мира в различных проекциях, и каждая из этих систем может обладать, в ущерб другим, особым преимуществом. Мы могли бы разделить наши знания на природные и искусственные, полезные и приятные, спекулятивные и практические или очевидные и точные, возможные и чувственные, знания вещей и знаков — и так до бесконечности. Мы выбрали разделение, показавшееся нам наиболее удовлетворительным в целом» (*Diderot & D'Alembert* 1751: р. XV).

Объясняя систему, он затрагивает тут и вопрос границы. Произвольный характер выбора расположения границы не является пороком — но Д'Аламбер уточняет, что выбрана она была исключительно для удобства составителей Энциклопедии, а не из какой-то глубинной истинности.

Мы видим, что в культуре имплицитно существовало понимание, что ни одна граница не является ни полностью истинной, ни непроницаемой. Мыслители Просвещения, таким образом, могли искать для себя границу между, например, человеком и природой, а также возможность изменить или даже полностью уничтожить ее.

Представляется, что архитектура занимала важное место в этом процессе, и вопрос о «примитивной хижине», о первичном, природном состоянии архитектуры потому и обсуждался так бурно. Это была дискуссия о пролегании границы между человеком и природой, и о возможности существования природной архитектуры «вне человека». Представляется, что эта дискуссия была

возможна именно из-за понимания необходимости границы для определения и анализа объекта, с одной стороны, и достаточной условности выбора места этой границы, с другой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Клименко* 2017 — *Клименко Ю. Г.* Искусство стереотомии во французской архитектуре нового времени [Электронный ресурс] // *Architecture and Modern Information Technologies*. 2017. №4 (41). С. 88–106. URL: http://marhi.ru/AMIT/2017/4kvart17/07_klimenko/index.php
- Контева* 2016 — *Контева Т. В.* Город Луи-Сенбастьяна Мерсье: прошлое, настоящее и будущее // *Наука, образование и экспериментальное проектирование*. Труды МАРХИ / отв. ред. Д. О. Швидковский, Г. В. Есаулов, В. И. Ивановская. М.: МАРХИ, 2016. С. 326–331.
- Baron* 1840 — *Baron A.* Histoire de l'art dramatique. Bruxelles: Société pour l'émancipation intellectuelle, éd. A. Jamar. Paris: Édition Hetzel, 1840.
- Bianchi* 2017 — *Bianchi S.* Révolution française et Utopie [Электронный ресурс] // *Annales historiques de la Révolution française*. №388. 2017/2. P. 3–27. URL: <https://www.cairn.info/revue-Annales-Historiques-de-la-revolution-francaise-2017-2-page-3.htm>
- Condillac* 1749 — *Condillac E. B. de.* Traité des systèmes. T. 1. Paris: Fayard 1749.
- Diderot* 1875–1877 — *Diderot D.* Oeuvres complètes de Diderot, revues sur les éditions originales, comprenant ce qui a été publié à diverses époques et les manuscrits inédits, conservés à la Bibliothèque de l'Ermitage, notices, notes, table analytique: étude sur Diderot et le mouvement philosophique au XVIIIe siècle par J. Assézat. T. 2. Paris: Garnier frères, 1875–1877.
- Diderot* 1813 — *Diderot D.* Correspondance Littéraire, Philosophique et Critique, Adressée à un Souverain d'Allemagne. T. 4. Paris: Buisson, 1813.
- Diderot & D'Alembert* 1751 — *Diderot D., D'Alembert, J. le R.* (eds.). Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des

- métiers. T. 1. Paris: chez André le Breton, Michel-Antoine David, Laurent Durand, Antoine-Claude Briasson, 1751.
- Frémy 1912 — Frémy E. L'Enceinte de Paris construite par les fermiers généraux et la perception des droits d'octroi de la ville (1784–1791) // Bulletin de la Société de l'histoire de Paris et de l'Île-de-France. T. 39. Paris: Librairie d'Argences, 1912. Pp. 115–148.
- Gagneux, Prouvost 2004 — Gagneux R., Prouvost D. Sur les traces des enceintes de Paris. Promenades au long des murs disparus. Éditions Parigramme. Paris: Compagnie parisienne du livre, 2004.
- Guye, Valode 2017 — Guye J-P., Valode P. Un monde de murs: de l'antiquité à nos jours. Paris: L'Harmattan, 2017.
- Laugier 1755 — Laugier M.-A. Essai sur l'architecture — Nouvelle édition, revue, corrigée, & augmentée. Paris: chez Duchesne, 1755.
- Ledoux 1804 — Ledoux C.-N. L'architecture considérée sous le rapport de l'art, des mœurs et de la législation. Tome Ier. Paris: Perronneau, 1804.
- Legrand 1804 — Legrand J. G. Deux petits Pavillons faisant partie de l'ensemble de la clôture de Paris; par Ledoux // Annales du Musée et de l'école moderne des beaux-arts [Legrand, J. G., C. P. Landon]. T. VI. Paris: chez Landon, 1804. Pp. 79–80.
- Lyonnet 2013 — Lyonnet J-P. Les Propylées de Paris. Claude-Nicolas Ledoux, 1785–1788. Arles: Honoré Clair, 2013.
- Mercier 1788 — Mercier L.-S. Tableau de Paris. Vol. 9. Amsterdam: [s.p.], 1788.
- Popkin 2010 — Popkin J. Panorama of Paris: Selections from Tableau de Paris. Pennsylvania: Penn State Press, 2010.
- Vidler 2002 — Vidler A. The Ledoux Effect: Emil Kaufmann and the Claims of Kantian Autonomy // Perspecta. Vol. 33. Cambridge: M.I.T. Press, 2002. Pp. 16–29.
- Vidler 1984 — Vidler A. The Rhetoric of Monumentality: Ledoux and the Barrières of Paris // AA Files. №7 (September). 1984. Pp. 14–29.
- art of stereotomy in French architecture of the modern history). *Architecture and Modern Information Technologies*, no. 4 (41), 2017, pp. 88–106. URL: http://marhi.ru/AMIT/2017/4kvart17/07_klimenko/index.php (in Russian).
- Kopteva T.V. Gorod Lui-Sebast'iana Mers'e: proshloe, nastoiashchee i budushchee (Louis-Sébastien Mercier's City: The past, the present and the future). *Nauka, obrazovanie i eksperimental'noe proektirovanie. Trudy MARKhI (Science, education and experimental design. MARCHI Proceedings)*. Eds. D.O. Shvidkovskii, G.V. Esaulov, V.I. Ivanovskaia. Moscow: MARKHI Publ., 2016, pp. 326–331 (in Russian).
- Baron. A. *Histoire de l'art dramatique*. Bruxelles: Société pour l'émancipation intellectuelle. Ed. A. Jamar. Paris: Édition Hetzel Publ., 1840.
- Bianchi S. Révolution française et Utopie. *Annales historiques de la Révolution française*, no. 388, 2017/2, pp. 3–27. URL: <https://www.cairn.info/revue-Annales-Historiques-de-la-revolution-francaise-2017-2-page-3.htm>.
- Condillac E. B. de. *Traité des systèmes*, vol. 1. Paris: Fayard Publ., 1749.
- Diderot D. *Oeuvres complètes de Diderot, revues sur les éditions originales, comprenant ce qui a été publié à diverses époques et les manuscrits inédits, conservés à la Bibliothèque de l'Ermitage, notices, notes, table analytique: étude sur Diderot et le mouvement philosophique au XVIIIe siècle par J. Assézat*, vol. 2. Paris: Garnier frères Publ., 1875–1877.
- Diderot D. *Correspondance Litteraire, Philosophique et Critique, Adressee a un Souverain d'Allemagne*, vol. 4. Paris: Buisson Publ., 1813.
- Diderot D., D' Alembert, J. le R. (eds.). *Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*, vol. 1. Paris: chez André le Breton, Michel-Antoine David, Laurent Durand, Antoine-Claude Briasson Publ., 1751.
- Frémy E. L'Enceinte de Paris construite par les fermiers généraux et la perception des droits d'octroi de la ville (1784–1791). *Bulletin de la Société de l'histoire de Paris et de*

REFERENCES

Klimenko Yu.G. Iskusstvo stereotomii vo frantsuzskoi arkhitekture novogo vremeni (The

- l'Île-de-France*, vol. 39. Paris: Librairie d'Argences Publ., 1912, pp. 115–148.
- Gagneux R., Prouvost D. *Sur les traces des enceintes de Paris. Promenades au long des murs disparus*. Éditions Parigramme. Paris: Compagnie parisienne du livre Publ., 2004.
- Guye J.-P., Valode P. *Un monde de murs : de l'antiquité à nos jours*. Paris: L'Harmattan Publ., 2017.
- Laugier M.-A. *Essai sur l'architecture — Nouvelle édition, revue, corrigée, & augmentée*. Paris: chez Duchesne Publ., 1755.
- Ledoux C.-N. *L'architecture considérée sous le rapport de l'art, des mœurs et de la législation*, vol. 1. Paris: Perronneau Publ., 1804.
- Legrand J.-G. Deux petits Pavillons faisant partie de l'ensemble de la clôture de Paris; par Ledoux. *Annales du Musée et de l'école moderne des beaux-arts*, vol. VI. Paris: chez Landon Publ., pp. 79–80.
- Lyonnet J.-P. *Les Propylées de Paris. Claude-Nicolas Ledoux, 1785–1788*. Arles: Honoré Clair Publ., 2013.
- Mercier L.-S. *Tableau de Paris*, vol. 9. Amsterdam: [s.p.] Publ., 1788.
- Popkin J. *Panorama of Paris: Selections from Tableau de Paris*. Pennsylvania: Penn State Publ., 2010.
- Vidler A. The Ledoux Effect: Emil Kaufmann and the Claims of Kantian Autonomy. *Perspecta*, vol. 33. Cambridge: M.I.T. Publ., 2002, pp. 16–29.
- Vidler A. The Rhetoric of Monumentality: Ledoux and the Barrières of Paris. *AA Files*, no. 7 (September), 1984, pp. 14–29.